

Юлия Макарова

*Второй
попытки
не будет*

*Когда ты изменяешь своё имя,
не удивляйся тому,
что будет происходить дальше...*

Юлия Макарова

Второй попытки не будет

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24448628

SelfPub; 2018

ISBN 978-5-5321-1627-6

Аннотация

... Когда однажды ты находишь возле своей двери роскошный букет из белых роз, то начинаешь понимать, что дальше что-то должно произойти. В жизни девушки по имени Триша переплелось так много всего странного, и, чтобы получить ответы на свои вопросы, ей придется многое пережить. Ведь очень часто все, что с нами происходит сейчас – имеет гораздо более глубокие корни... Любовь и ненависть, добро и зло всегда идут по жизни рука об руку.

Все началось в тот день, когда ей исполнилось шестнадцать.

Она появилась на свет ровно в полночь. По словам мамы, ее первый крик раздался, едва куранты на Спасской башне начали отбивать свои положенные удары. Откуда такая осведомленность о главных часах страны? Радио! Оно работало довольно громко, так что трудно было его не расслышать. Пожилая акушерка подхватила мокрый живой комок и показала головой: «Во, дает! Надо же! Ровно нуль-нуль! Во подфартило девчонке!»

А потом врач и медсестра долго спорили, каким именно числом записать новорожденную. А, действительно, каким? Ровно в полночь не совсем ясно какой сейчас день – не то еще сегодня, не то уже завтра... После долгих раздумий пришли к единогласному решению – запишем малышку новым днем, старый-то все-таки уже прожит.

Эта история ее рождения давно стала семейной притчей. Маме, правда, тогда здорово досталось – роды были сложными, что-то там пошло не так, так что роженица была под наркозом и знала все со слов медиков. Потом и малышка и молодая мамочка поправились, и в дальнейшем все в их жизни складывалось хорошо.

И вот, спустя ровно шестнадцать лет после такого романтического появления на свет, огненнорыжая кудрявая девушка по имени Триша стояла возле двери своей квартиры и смот-

рела на букет роз. Двадцать пять роскошных белых бутонов. Аккуратно, в несколько оборотов, скреплены шелковой лентой и поставлены в подставку из проволоки. Не положены на коврик, не сунуты в какую-нибудь банальную трехлитровую банку. А именно вот так – перевязаны и поставлены.

С Триши, только что вернувшейся из кафе, где она отмечала свой праздник с друзьями, моментально слетела вся веселость. Уж очень необычны были эти цветы в их обыкновенном, пусть чистом, но далеко не шибко презентабельном подъезде.

Триша мотнула головой и нажала на кнопку звонка.

Можно, конечно, было открыть дверь своим ключом, но надо было показать родителям все как есть, а то они могут не поверить дочери. Скажут еще, что это ей друзья в клубе подарили...

Через минуту дверь распахнулась. Мама сначала не увидела цветы и удивилась:

– Ты чего звонишь? Ключи потеряла?

Триша глазами указала на букет.

Вот тут родительница изумилась еще больше.

– Ого! Это от кого же такая красота?!

Триша внимательно следила за матерью. Сто процентов – удивление было очень искренним!

– Я не знаю. Хотела у вас спросить.

– У нас? Почему у нас? Ты думаешь – это мы с папой? Нет... – мама растерялась и позвала отца: – Иди сюда, по-

смотри, что нашей девочке преподнесли!

Возникший на пороге отец тоже не признался в соучастии. И тоже решил, что это именно Триша их разыгрывает. Ну, нет, так нет. Может у нее есть какой-то тайный поклонник? И человек это явно не бедный – букет очень уж дорогой. Особенно сейчас, в декабре. Если это кто-то из ее ровесников, то долго же ему пришлось откладывать деньги на такие цветы! А, может, букет вообще не для Триши? Может быть, кто-то просто ошибся дверью?

Никакой записки в букете не было. В конце концов букет был занесен в квартиру и торжественно водружен в самую лучшую «парадную» вазу.

Среди ночи Триша проснулась. Глядя на букет, подумала вдруг, что одной ее соседке семьдесят «с хвостиком». Во второй квартире вообще жили два взрослых брата-близнеца...

2

Следующий букет появился возле двери ровно через год. Розы были столь же прекрасны. И их опять было ровно двадцать пять. Странное число. Или оно все-таки что-то означает?

И снова никакой записки, ничего...

Обнаружила их сама Триша. На этот раз день рождения отмечали дома. Если честно, то за год первый букет уже подзабылся. А тут, сидя за праздничным столом, вспомнили вдруг про странный подарок.

– А представляете – открою сейчас дверь, а там... ЦВЕ-ТЫ! – хохотала Триша.

– Ну, конечно! Будет кто-то целый год ждать! Надо было бы, так давно бы уже появился на горизонте!

Раззадоренная девушка выскользнула в коридор. Все еще смеясь, щелкнула замком. Сидевшие напротив дверного проема мама и подружка, улыбаясь, наблюдали за ней.

Триша распахнула дверь. Выглянула на площадку. И застыла.

Букет был там.

Триша медленно нагнулась, подняла его и развернулась. Увидевшие ее с цветами в руках мать с подружкой сразу перестали улыбаться. Заметив их вытянувшиеся лица, притихли и все сидевшие за столом. Когда Триша появилась в комнате, кто-то даже присвистнул от удивления.

Роскошные цветы.

Двадцать пять белоснежных роз.

И снова без каких-либо опознавательных знаков.

3

– *Господин Пожарский! Лев Александрович! Постойте!*

Пожарский обернулся, увидев догонявшего его высокого мужчину, остановился. Статный молодой офицер почти бегом приближался к нему.

– *Неужели вы решили вот так просто отступить? Ведь это же никчемный человечика! А вы...*

Пожарский с любопытством глянул на Самарина. Даже несмотря на сжигающую его боль и гнев, он почувствовал вдруг интерес к этому молодому красивому человеку.

— Вы же достойнейший представитель нашей Родины, Лев Александрович! Вы отличный работник, честный гражданин! Кому, как ни вам возглавить это ведомство! Не совсем же слепцы там сидят! — Самарин возвел глаза к красивому, с лепниной, потолку дипмиссии. — Неужели там не разберутся? Должна же быть хоть капля справедливости в этой жизни!

Боже мой! Сашенька! Как же вы еще наивны! Искренне верите в царя и Отечество! Хотя...Какие еще ваши годы! Пройдет совсем немного времени и перемелет вас в этой же-сточайшей мясорубке, как и всех нас... Научитесь немного по другому оценивать все происходящее, подрастеряете все полутона при оценке людей и событий, обретете малое количество гораздо более определенных красок... Хотя... Порой именно из таких вот горячих молодых мужчин и получают настоящие Люди. Такие поднимают на бой, такие грудью встают против несправедливости. И бьют их и убивают, а они все равно, из последних сил, будут продолжать оставаться непокоренными. Ну что же, дай Бог, дай Бог... А вот я, Сашенька, сдамся. Мне есть что терять — у меня семья. То, что я еще могу сохранить, я ОБЯЗАН сохранить ради них — дочери Агнии и жены Лизаньки. К тому же скоро нас станет четверо. А вот вы мне определенно нравитесь —

даже зная наверняка, что стены здесь имеют глаза и уши, вы не боитесь произносить вслух столь серьезные вещи!

— Ах, Александр Евгеньевич! — Пожарский на всякий случай многозначительно обвел глазами пустой коридор, поминая молодому офицеру об осторожности. — Это все слишком далеко зашло. Мне были четко указаны границы — что я могу, а чего мне категорически нельзя.

— Но с этим можно и нужно поспорить! — нетерпеливо вторил Самарин.

— Нет. Вы многого не знаете, Саша, — совсем тихо произнес Лев Александрович. — Это — СИСТЕМА. А человек, чьи слова так сильно возмутили вас, ее полноправный представитель. Не верьте, что здесь возможно хоть что-то исправить. Хоть я и пытался... Получилось то, что получилось. Это был последний аккорд. К сожалению — грустный...

Пожарский помолчал, молчал и Самарин.

— А вот я отступлю, Саша. Прощайте и не поминайте, как говорится, лихом. Может, когда-нибудь и свидимся. За поддержку спасибо. — Пожарский хотел протянуть строптивому офицеру руку, но передумал — незачем портить карьеру начинающему служащему дипломатической миссии. Даже в пустом коридоре их вполне может кто-нибудь увидеть. — Всего вам самого доброго, Александр Евгеньевич. А я уезжаю.

Молодой человек вопросительно поднял брови. Лев Александрович понял его молчаливый вопрос.

– Я уезжаю в Россию.

Самарин внимательно выслушал его. При последних словах побледнел. И вдруг вытянулся в струнку, щелкнул каблуками и коротко кивнул. И через секунду протянул руку для рукопожатия.

– Удачи вам, Лев Александрович. И поверьте, мне действительно очень жаль...

Они успели разомкнуть ладони, когда в конце коридора распахнулась дверь, и кто-то вышел из кабинета...

...Пожарскому вспомнился этот разговор осенью восемнадцатого. Он сидел в вонючей теплушке, притиснутый одним боком к довольно грязной стенке, а с другого бока к нему плотно прижался какой-то деревенский мужик в зипуне. Напротив Льва Александровича сидела двенадцатилетняя дочь Агния, а на ее руках спал годовалый Артемий. Девочке наверняка было тяжело держать брата, но после смерти матери мальчик не признавал ничьих рук, кроме Агнии. Когда он уснул, отец попробовал взять его к себе, но ребенок тут же проснулся и захныкал. Дождаться его дальнейшего рева они не стали, девочка коротко глянула на Пожарского, покорно прижала мальчика к себе и начала баюкать.

Мужик в зипуне глянул на девчушку, покосился на соседа.

– Дочка?

– Да, – коротко ответил Пожарский. Он, несмотря на свое мастерское владение языком (причем не одним), в последнее время почти им не пользовался. Давая понять му-

жику, что разговора поддерживать не намерен, отвернулся к окну. Задумался.

Вот тут-то и припомнился почему-то их последний разговор с Самариным. После того, как в дипмиссию прислали нового советника, там начали происходить весьма значимые перемены. Пожалуй, никогда еще так тяжело не работало людям, хотя состав дипломатического корпуса довольно долго работал почти без изменений. Вновь прибывший человек оказался очень властолюбивым, резким в суждениях и ко всему прочему не очень сильным специалистом. Но у него были связи на самом верху, и он очень умело ими пользовался.

Досталось и Пожарскому. Не в самую первую очередь, но дело дошло и до него. Новый советник начал строить козни против Льва Александровича, явно чувствуя в нем достойного противника. Сначала Пожарский не сдавался и даже пытался дать отпор. Но потом стычки стали все серьезнее, в ход пошли явные притеснения и угрозы. В какой-то момент у Льва Александровича появилась возможность возглавить новый отдел, который собирались открыть в посольстве. Советник пригрозил Пожарскому, что напишет на него «соответствующее письмо» и отправит куда надо. «Боюсь, в таком случае вы не то, что получите новую должность, а как бы вас вообще не проверили как следует... Ну, вы понимаете...»

Бояться проверок Пожарскому не было причин – он все-

гда работал на совесть. Но ведь он работал не один. Вокруг были люди. И бумаги. Разные люди. И разные бумаги. И ничто не мешало подsunуть какой-нибудь комиссии нечто интересное, после чего Пожарскому вряд ли удастся отмыться набело. Нет, он мог бы, конечно, еще «пободаться», пусть бы на это ушли и время и силы. Может быть, ему бы даже удалось одержать победу. Может быть. Но ему было что терять. Жена ждала ребенка, беременность переносила тяжело, и он просто не мог рисковать ею. Трепать ей нервы, а потом, не дай бог, остаться ни с чем, вылететь, как пробка, с волчьим билетом... Нет, нет и еще раз нет.

И потому, затолкав поглубже свою гордость, Пожарский вернулся с семьей на Родину. В мятежную, бурлящую Россию начала 1917 года...

...Лизанька, дав жизнь Артемке, долго не могла оправиться от родов. Потом вообще заболела и стала таять прямо на глазах. На семью Пожарских свалилось тяжкое горе – потеряв мать и любимую жену, они все осиротели. А тут еще и перемены в стране стали происходить с такой скоростью, что порой некогда было даже предаваться своему горю.

Новости становились все тревожнее, участились нападения и кражи. Когда на соседней улице убили семью известного адвоката, Пожарский решил уехать. Он прекрасно понимал, что милости от новой власти ему ждать не придется. В сочельник их «немного потеснили» – поселили в их

квартире еще три семьи, а Пожарских с маленьким ребенком загнали в самую крохотную комнатку рядом с кухней. А потом – семья адвоката...

... И вот теперь они тряслись в этой грязной теплушке неведомо куда. То ли навстречу новой жизни, то ли навстречу своей гибели.

Где вы сейчас, Саша Самарин? Как жаль, что нам пришлось расстаться. И еще очень жаль, что нам не удалось как следует подружиться, на это просто не оставалось времени... А как решительны вы были! Предлагали восстать против несправедливости... Знали бы вы, какая несправедливость творится сейчас здесь!

Пожарский тяжело вздохнул. Этот его вздох не укрылся от соседа. Тот снова глянул на девочку с ребенком и глухо спросил:

– А женка-то где?

– Умерла.

Мужик качнул косматой головой. Потом достал из-за пазухи кисет, потянул за тесемки. Агния покосилась на его заскорузлые пальцы, недовольно свела брови, но ничего не сказала. Крестьянин, однако, заметил этот ее взгляд. Подержал кисет в руках, потом глянул на спящего ребенка. Посопел. И, снова затянув тесьму, спрятал махорку в карман. Девочка благодарно посмотрела на мужика и чуть кивнула головой. В вагоне и так дымили, едая вонь от самосада давно уже намертво впиталась в одежду и волосы. А тут,

надо же, почти благородный жест...

... Им потом еще не раз встретятся на пути разные люди. И среди них будут и такие, как этот деревенский мужик – обычные, но согласные помочь хоть в малом.

Недаром на Руси всегда были благодетели. Благо-детели. Делющие благо, делающие добро. Люди делали добро – в больших и малых дозах, кто как мог.

...Женщина, не взявшая обручального кольца Пожарского, когда он пытался на базаре купить на него кусок хлеба...

...Солдат, пустивший их отогреться у костра, а потом давший адрес своей семьи, где они смогли переночевать...

...Люди, благодаря которым, они, в конце концов, оказались в порту...

...Когда при посадке на пароход началась давка, какой-то мужчина молниеносно всучил Пожарскому его маленького сына, а сам подхватил себе на плечо Агнию. Именно это спасло детей Льва Александровича от верной гибели...

...В пути их застал жуткий шторм. Несколько человек смыло за борт. Пожарские при помощи немолодого матроса были с огромным трудом втиснуты в забитый людьми трюм. При очередном порыве ветра их накрыла огромная волна, раздался ужасающий треск. Но судно выдержало натиск стихии...

... А Лев Александрович Пожарский, прижимая к себе испуганных измученных детей, дал клятву, что, если они останутся живы, то он всю оставшуюся жизнь будет де-

*лать добро людям. И научит этому своих детей и внуков.
Весь свой род он отдаст на службу ДОБРУ.*

4

Накануне восемнадцатилетия с Тришей приключилась довольно неприятная история. Она возвращалась из института. Было еще не поздно, что-то около шести вечера. До дома оставалось всего-ничего, когда из подворотни вышли двое. Молодые парни в дурых куртках, лица скрыты под низко опущенными капюшонами. Пивом разит за версту. Преградили путь.

Триша попробовала их обойти. Они ловко загородили ей дорогу. Девушка развернулась, чтобы удрать. Но не тут-то было. Один из парней тут же оказался за ее спиной.

Надо бы крикнуть «Помогите!» или как там говорят – в таких случаях лучше кричать что-нибудь типа: «Пожар!». Реакция, мол, у народа на эти крики весьма разная. Если просят о помощи, то могут и не дожидаться чьего-либо отклика. А вот если пожар, то тут кто-нибудь да появится. Гореть-то никому не охота. Да и любопытство опять же – надо посмотреть – где горит, как горит.

Но голос почему-то пропал. И ноги вот-вот грозят налиться пудовой тяжестью. А пивной перегар все ближе, окутывает со всех сторон.

– Что вам надо? – почти прошептала Триша.

Тот, что был спереди, противно хохотнул.

– У меня ничего нет, я с занятий иду...

– Угу, – мрачно хмыкнул задний.

Откуда-то послышался рокот мотоцикла. Мотоциклист промчался мимо них. И вдруг звук мотора вернулся и стал звучать на одном расстоянии.

Затем раздался резкий свист и окрик:

– Э, вы чего там?

Господи, кто это? Неужели небо послало кого-то, кто может отвести от нее беду? Триша обернулась. Действительно, мотоцикл. А на нем какой-то парень. Весь в коже, шлем поблескивает даже в полумраке.

Страшная парочка тоже посмотрела в его сторону и бросила в ответ:

– Отвали...

Дальше все произошло довольно быстро. Парень слез с мотоцикла и пошел к ним. Стоявший сзади Триши бандит замахнулся. Мотоциклист перехватил его руку, сделал какое-то движение. Послышался хруст и дикий вопль. Согнувшийся в три погибели нападавший выл, как раненый зверь, схватившись за явно сломанную руку. Второй щелкнул ножом и, грязно выругавшись, пошел на незнакомца.

Парень молча применил еще какой-то прием. Нож упал. Его хозяин тоже рухнул на колени с закрученными за спину руками.

– Пошли! – скомандовал освободитель Трише.

– К-куда? – пролепетала она, глядя, как корчатся от боли

только что бывшие такими грозными хулиганы. Ее зубы начали вдруг отстукивать нервную дрожь.

– За мной. Довезу тебя.

– Я...я не п-пойду и не п-поеду. Сп-пасибо. Д-дальше я с-сама. Мне недалеко.

– Ну уж нет. Раз так получилось, я должен тебя проводить. Но не могу же я мотоцикл за руль вести всю дорогу! Не велосипед, знаешь ли!

– Нет! Я не п-поеду...

Парень хмыкнул.

– Скажи, ты вообще заикаешься?

– Нет.

– Тогда поехали. Как одна-то пойдешь в таком состоянии? Я медленно поеду, не замерзнешь.

Он решительно взял ее за руку и повел к мотоциклу. А потом и в самом деле ехал небыстро. Подкатил к самому подъезду, остановил своего железного коня, но мотор не заглушил, просто сделал звук потише.

– Спасибо. – Триша слезла с мотоцикла, остановилась в нерешительности. Наверное, надо как-то поблагодарить своего спасителя. Но как?

Парень поднял стекло на шлеме. Некрасивое лицо, крупный, с горбинкой, нос. Но смотрит спокойно, безо всяких намеков на что-либо.

– Не за что.

– Ну, тогда я пойду? Пока... – пролепетала девушка.

– Пока. – Он вернул стекло на место, кивнул и, развернувшись, тут же уехал.

5

На сей раз в букет была вложена картонка с адресом. Двадцать пять белоснежных бутонов. Трише – восемнадцать. ...Интригующее постоянство...

После праздников она пошла по адресу, указанному на карточке. Нашла без особого труда, благо это было недалеко от дома.

На всякий случай прихватила с собой подругу. Дома было оставлено клятвенное обещание, что они только посмотрят – где это, а приближаться к дверям не будут, ни-ни...

Адрес привел их к весьма приличному зданию, над входом в которое красовалась не менее приличная вывеска. Девушки остановились в недоумении. Спортивный клуб «Алеко». Какой во всем этом смысл?

Но Триша не была бы Тришей, если, прочитав название, просто развернулась бы и ушла. Подруга была оставлена на улице с целью связи с внешним миром – мало ли что?

Триша поднялась на крыльцо и потянула на себя тяжелую дверь.

Девушка, сидевшая за стойкой, подняла голову. Поздоровалась. Внимательно посмотрела на Тришу.

– Здравствуйте... – Та замялась, не зная, с чего начать. Вспомнила про картонку с адресом, положила ее на столеш-

ницу.

Снова внимательный взгляд – сначала на карточку, потом – уже более пристальный – на саму Тришу.

– Одну минуту.

Скрытые за стойкой руки девушки произвели какие-то манипуляции, и в холл вышел невысокий, но очень плотный мужчина.

И снова внимательный взгляд на вошедшую. Сейчас Триша уже готова была поклясться, что ее не просто рассматривали, ее УЗНАВАЛИ. С ее внешности явно считывали какую-то информацию. Но какую?! И вообще, черт побери, что все это значит?!

– Здравствуйте. Я вас слушаю.

Триша протянула мужчине карточку. Коротко взглянув на нее, он сделал приглашающий жест рукой:

– Пройдемте.

– Куда? Объясните, что все это значит! Я ничего не понимаю! Мне...

– Прошу вас, пройдемте.

– Да не пойду я никуда! – Триша даже немного отступила к двери. – И вообще меня там, на улице, ждут. Если я не приду...

Мужчина мягко улыбнулся.

– Поверьте, я знаю не больше вашего. Но никто здесь не собирается причинять вам никаких неудобств. Вы просто посмотрите зал.

– Какой зал?

И снова приглашающий жест.

Триша подумала немного, но потом все же согласно кивнула. Мужчина пошагал первым, девушка последовала за ним.

Дверь. Небольшой коридор. Еще одна дверь. А за нею приличных размеров спортивный зал.

Триша остановилась в изумлении.

Но дальше было еще интереснее. Ее сопровождающий сообщил, что будет ее тренером. Если девушка согласна, то он обучит ее приемам борьбы.

Какой борьбы? Зачем?

А в голову уже лезут тяжелые воспоминания о пережитом недавно страхе, там, в подворотне...

– Для самозащиты, – эхом вторил мужчина. И произносит это как само собой разумеющееся. Как будто она все понимает и на все согласна. – Наши занятия обговорены и оплачены, можете не беспокоиться.

– Кто.. То есть... кем?!

– Я же сказал, что знаю не больше вашего. Передо мной поставлена определенная задача. Если вы не против, мы договоримся о начале тренировок, когда вам будет удобно.

Триша застыла. Кто, кто же за всем этим стоит? Что это за неведомый благодетель такой? И вообще – откуда ему известны ТАКИЕ подробности??? За ней, что, кто-то следит?!

Но вспомнился вдруг тот загадочный мотоциклист. Отку-

да он взялся, этот герой-спаситель? В их-то подворотне, да еще в декабре месяце? Что-то не замечала Триша в окрестностях таких гонщиков, а уж тем более зимой. Неужели это все он? Но кто же он тогда? Какой-то тайный воздыхатель? А что – у такого на роскошный букет точно деньги есть – байк-то у него неслабый... Ну, допустим, даже если и так, то почему парень не стал продолжать знакомство? И вообще – ну и выдержка у него – три года дарить букеты, а больше никак и ни в чем не проявиться... Какой в этом смысл тогда вообще?

Фу, ты! Ерунда какая-то!

– Этот человек договаривался конкретно с вами? – поинтересовалась она у спортсмена. – Вы его сами видели?

– Нет, не видел. Заказ и оплата поступили анонимно – курьер принес конверт и все.

– Но вы ведь расписывались за то, что получили?

– Нет. От меня этого не требовали.

– То есть вы вот так просто взяли деньги и стали меня ждать? А если бы пришла не я, а моя, например, подруга?

Тренер внимательно смотрел на нее. Холод его серых глаз почему-то не вызывал у Триши никакого страха. Сильный, уверенный в себе человек. Вот бы научиться быть такой же...

– В конверте была ваша фотография.

– Да?! – Триша осеклась. – И как же я на ней выглядела?

– Вот так же, как сейчас.

– Даже в этой же одежде?

– Нет, одежда была другая. Но лицо и прическа ваши. – В глубине его глаз блеснуло что-то похожее на теплоту, он явно едва сдержал улыбку.

– Выходит, это был свежий снимок?

– Получается так, – пожал плечами мужчина.

Да, из такого лишнего слова не встрясешь. Триша тяжело вздохнула. В голове ее с бешеной скоростью крутились жернова, выдавая «на горА» все новые и новые мысли. Что все это значит? Ведь, если верить спортсмену, то, судя по снимкам, за ней кто-то наблюдал. Или наблюдает. Смогли же ее сфотографировать так, что она сама не заметила? Кто за всем этим стоит? Что будет, если она откажется? А если согласится?

Господи, что же ей со всем этим делать?!

– А если я не захочу у вас заниматься?

– Ваше право, – тренер снова пожал плечами.

– То есть, я смогу просто взять и уйти отсюда? – недоверчиво спросила Триша.

– Можете.

– Даже прямо сейчас?

– Даже прямо сейчас.

Серые глаза смотрят пристально, но не зло. А если согласиться?

И Триша согласилась. Тренер назвался Константином. Они договорились о начале занятий через два дня – раньше

Триша не могла, была занята учебой.

6

... Вот она, моя девочка... На ней красивое красное платье в крупный белый горох... Оно ей так идет... Вокруг детки ее возраста... Группа детского сада... Праздник 8 марта... Моя малышка стихи читает... про маму...

... Горло болит... Ну зачем же ты грызла вчера сосульку?... С подружкой поспорила – заболеешь или нет... И, вот, лежишь, температуришь... Как мне жаль тебя, моя маленькая...

... Господи, какая же красивая у меня девочка... Платье, как у принцессы, прическа... Выпускной бал в школе... Вот ты и выросла...

7

В подземном переходе было довольнолюдно – но это и не мудрено, середина дня, самое время народу сновать туда-сюда по своим делам.

Девчонки-первокусницы освободились сегодня пораньше и собрались посидеть в кафе. Триша и три ее однокашницы, весело щебеча, продвигались в толпе людей.

Вдруг где-то впереди послышалась музыка. Но это была не просто музыка – кто-то довольно талантливо (по-крайней мере, по Тришиным меркам) играл на скрипке. Девушки приблизились к источнику волшебных звуков. Подружки не

обратили внимания на музыканта, а вот Триша в какой-то момент случайно повернула голову.

Возле стены подземного перехода, окруженный небольшой кучкой слушателей, играл на скрипке худощавый парень. Улыбка застыла на лице девушки, а потом медленно сползла совсем. Триша приостановилась, еще раз обернулась. Ну да, похож – тот же неровный нос, те же глаза. Стянутые в хвост длинные русые волосы. Надо же, неужто и вправду это он?!

Сказав подружкам, что она догонит их позже, Триша пошла к скрипачу. Он сначала не видел ее, играл на своем волшебном инструменте, извлекая на свет божий чарующие звуки. Потом, повинаясь музыке, парень чуть развернулся и увидел среди слушателей Тришу. Даже если она еще немного сомневалась – он ли это (мотоциклетный шлем и неяркий вечерний свет не позволили ей в прошлый раз как следует разглядеть своего спасителя), то сейчас, по его глазам, она поняла, что не ошиблась.

Он тоже узнал ее, чуть кивнул головой и на мгновение смежил веки – поздоровался. Триша также качнула головой. Постояла еще немного, дослушала до конца. Обратила внимание, что нигде нет ни раскрытого футляра, ни еще какого-либо «резервуара», куда обычно слушатели бросают музыканту деньги. Когда парень сделал паузу в игре, она развернулась и медленно пошла прочь.

Триша не видела, как быстро «свернулся» скрипач, как,

убрав скрипку, почти бегом припустил за ней. Догнал. Пошел рядом.

– Значит это все-таки ты? – Триша покосилась на него.

– Я.

– Никогда не видела тебя в этом переходе.

– Я тебя тоже, – усмехнулся он.

Они неторопливо брели по переходу, как старые знакомые.

– Хорошо играешь, мне понравилось. Я, конечно, не музыкант, но звучит здорово.

– Угу.

– Ты здесь часто играешь?

– Бывает, прихожу. Временами.

– А почему денег не берешь?

– Я не ради денег играю.

– Нет? – искренне изумилась Триша. – А почему тогда?

– А мне так лучше думается, – на полном серьезе произнес парень.

– Это как Шерлок Холмс, что ли? Он в кино тоже на скрипке играет, когда расследование ведет.

– Ну, что-то типа того...

Они вышли на шумную улицу и приостановились. Чуть в стороне Тришу уже с нетерпением поджидали подружки.

Девушка махнула им рукой, подняла глаза на своего провожатого. Триша была немаленького роста, но парень оказался гораздо выше ее. Он был худ, широк в плечах и некра-

сив. Но в какой-то момент она поймала себя на странном ощущении, что ей не хочется от него уходить...

– Тебя ждут?

– Меня. Мы с девчонками в кафешку идем. Зачет сложный был, решили отметить мороженым.

– Мне тоже на смену пора.

– На смену?! – Время было что-то около двух часов дня – какая смена?

– Ну да, я на заводе работаю. В три моя смена начинается.

– А я думала – ты музыкант... – растерянно произнесла девушка.

– Да нет, музыка – это так, для души. Я не профессионал.

– А-а... Родители заставляли?

Серые стальные глаза смотрели на нее из-под красивых длинных ресниц. Пожалуй, это было единственное его украшение...

– Нет. Просто так получилось.

И все. Больше никаких пояснений. Просто ответил на ее вопрос. Коротко и ясно. И тут же словно ставит невидимый барьер между собой и собеседником. Как в тот вечер. Раскидал ее обидчиков, усадил на мотоцикл, довез до дома и уехал. И все.

– Ладно, я пойду. – Триша чуть улыбнулась.

Молодой человек улыбнулся ей в ответ.

– Пока.

– Пока.

И снова разошлись. И опять в разные стороны. И до сих пор еще не знали имени друг друга... Хотя, если честно, Триша сообразила это гораздо позже... Странный парень... Появляется из ниоткуда, исчезает в никуда...

А, впрочем, зачем он ей? Подружки, правда, попробовали пристать с расспросами – кто да что, но Триша лишь отмахнулась – так, ничего серьезного, просто случайный знакомый.

8

Когда через пару дней она увидела скрипача у крыльца института, то почти не удивилась. Он стоял, спрятав руки в карманы черной кожаной куртки, и почти равнодушно смотрел на высыпавших из дверей студентов.

– Привет, – Триша подошла к нему.

– Привет.

– Как ты меня нашел? Только не говори, что оказался здесь совершенно случайно.

– А я и не говорю. Сегодня не случайно, но в те разы был экспромт. Если, конечно, ты сама ничего не подстроила.

Триша запрокинула голову и расхохоталась.

– Ну ты даешь! Думаешь – я на такое способна? Особенно в первый раз...

Парень ухмыльнулся. Он вообще был не очень улыбчив, Триша успела это заметить... И все равно она не чувствовала с ним никакого напряжения.

– Слушай! – она вдруг посерьезнела. – Скажи честно – ты меня вообще давно знаешь?

Брови собеседника сошлись на переносице.

– В смысле?

– Повторяю вопрос: ты меня давно знаешь?

Он подумал.

– Вообще-то вижу третий раз.

– Ну, хорошо. Допустим, я поверила. Видишь, может, и третий. А так обо мне ничего никогда не слышал? Может тебе кто-то обо мне что-нибудь рассказывал, фотки какие-нибудь показывал?

Скрипач внимательно смотрел на нее. Видел, что девушка не шутит. Что-то неведомое ей крутил в своей голове...

– Нет. А что – должен был? Ты, что, знаменитость какая-нибудь?

Он произнес это настолько серьезно, что Триша почему-то ему поверила.

– Да нет, не знаменитость. Просто кто-то уже три года подряд присылает мне на день рождения букет цветов. Вот мы с папой и мамой и думаем – может быть это какой-нибудь мой тайный воздыхатель? Не ты?

Триша в упор уставилась на парня. Серые глаза смотрели на нее с любопытством и легким недоверием.

– Ты хочешь сказать, что я три года сижу в засаде и жду твоей днюхи, чтобы скрытно подсунуть тебе букет?! Какой в этом смысл?

– А я откуда знаю!

Молодой человек глубоко вздохнул, посмотрел на серое тяжелое небо.

– Нет, это не я. Зачем мне это? – стальные зрачки снова вернулись к ее лицу.

Триша качнула головой и пошла по дорожке. Спутник последовал за ней.

– Что, прямо вот так три года подряд и дарят?

– Угу. Три года. Три букета. Каждый раз – двадцать пять роскошных белоснежных роз. Кстати, очень дорогих. Приносит кто-то к дверям квартиры.

– А ты проследить не пыталась? Посадили бы кого-нибудь в подъезде, за дверьми понаблюдали...

– Пока как-то не додумались. Первый раз было неожиданно. Во второй раз я просто «по приколу» выглянула вечером за дверь... Кстати, – Триша резко развернулась, – в тех двух букетах не было никаких записок или еще чего, а в последнем была карточка с адресом. Я пошла туда, и это оказался спортивный клуб. Меня там приняли, как родную, и оказалось, что кто-то проплатил мое обучение навыкам самообороны. Догадайся, когда это произошло?

Парень снова свел брови.

– После тех «друзей» из подворотни?

– Представь себе. А ведь никто про это даже не знал. Я никому не рассказывала. НИ-КО-МУ. Представляешь? Догадываешься теперь, почему я решила, что цветы от тебя?

– Я понял.

Они снова пошагали по дорожке. Теперь оба молчали. Не сговариваясь, свернули потом с тротуара, зашли в небольшой сквер.

– Странно все это, – вынес наконец свой вердикт парень.

– Ладно, проехали, – вздохнула Триша, поняв, что нечего в этой истории так и не прояснилось.

Они прошлись по скверу, оказавшись на тихой улочке, заглянули в маленькое уютное кафе. Пили кофе с пирожными и болтали о всякой чепухе.

– А как ты меня нашел? – спросила девушка уже возле своего дома.

– Прикинул, какие учебные заведения есть недалеко от того перехода. Потом просто пришел и немного подождал.

Триша недоверчиво покосилась на него.

– И все?

– И все.

– А если бы меня там не было? Может, я учусь не здесь или просто не пришла бы сегодня?

– Но ведь пришла же.

Да-а, это был весомый аргумент! Триша усмехнулась. Станный парень. И вообще все странно. Очень странно. Даже как будто и не с ней все это происходит...

– Кто ты такой вообще? Я тебя вижу всего лишь третий раз, а уже рассказываю о себе всякие подробности, выбалтываю все секреты! А вот про тебя совсем ничего не знаю...

Скрипач чуть улыбнулся, глянул куда-то в сторону, но тут же вернулся глазами к ее румяному лицу.

– Ладно, иди уже домой. Замерзла ведь.

Готовая вот-вот хлюпнуть носом Триша согласно кивнула:

– Есть маленько. Я даже не замерзла, просто не люблю вот такую погоду, когда нет солнышка и сыро. Меня тогда просто до костей пробирает.

– Учту.

И снова они разошлись, как в море корабли. Просто – «Пока!» – «Пока!». Никаких договоров о новых свиданиях, ни напрашиваний в гости, ничего.

Поднимаясь по лестнице, Триша запоздало сообразила, что так и не узнала его имени. Хотя и он тоже ее не спрашивал. Ха! Ну надо же!

9

– А как тебя зовут?

– Георгий.

– Ка-ак?!

– Слышала ведь. И не надо ржать.

– Я и не ржу, – хмыкнула Триша. – Просто как-то непривычно. Вокруг все какие-то Данилы да Захары с Никитами. А ты прям так сразу – Георгий! Интересное имя, между прочим. И тебе подходит.

– Меня не спрашивали, когда называли. Да и тебя, похоже,

тоже.

– Ну да. Только я вообще-то Ирина по паспорту. А такое имя я сама себе еще в детстве придумала. Родители меня Иришей называли, а мне не нравилось. У меня почему-то была четкая ассоциация с ирисками. А их я не любила. За вкус – любила. А потом у меня из-за них половина зубов выпала. Ну, в смысле, молочных, – улыбнулась Триша. – Закачается зуб, я забудусь, суну в рот ириску, она прилепится к зубу. Хочу ее отцепить, а она – бац! – и вместе с зубом! Фамилия моя Тюфанова, на «Т» начинается. Соединила «Т» и «Ириша». Вот так я и стала Тришей. А теперь все уже привыкли.

– Понятно.

– Слушай, а можно я буду звать тебя Георг? Так короче и лучше звучит.

– Без разницы.

– Что – без разницы?

– Зови как хочешь.

Георг развернулся к реке, подставил лицо прохладному ветерку. Триша почти легла животом на каменный парапет, засмотрелась на густую темную массу воды внизу.

... Он снова ждал ее возле института спустя неделю. И, надо же, Триша почти обрадовалась, увидев его. Хотя мог бы появиться и немного пораньше, нехорошо как-то позволять девушке долго томиться в ожидании. Трише было немного стыдно признаться себе, что она почти надеялась увидеть его

уже на следующий день. Но скрипач не появился ни на другой день, ни через два, ни через три... Триша с трудом сдержала себя от похода в подземный переход, где он играл на скрипке. Хотя... в чем, собственно, проблема? Он же ничего ей не обещал, они ни о чем не договаривались...

... И вот теперь они неспешно прошли на набережную, полюбовались красивым видом на противоположном берегу. День сегодня был почти безветренным, в небе иногда даже проглядывало робкое солнце. Скоро весна...

Вот тут-то Триша наконец опомнилась, назвала свое имя парню и пожелала узнать как зовут его. Георг! Ну надо же! Георг! А что, в этом что-то есть!

10

– А у тебя неплохо получается! – похвалил Константин Тришу, едва успев изловчиться и устоять на ногах после удачно примененного ею приема.

Девушка только фыркнула и смахнула со лба выбившуюся огненную прядь.

– Честно. – Он уже знал, что девчонка не любит похвалу. С самого начала тренировок, когда Триша все еще относилась к происходящему с недоверием, у нее все равно стало получаться лучше, чем у некоторых его подопечных, занимавшихся гораздо больше. Потом она втянулась, и вот тут Константин явно почуял в ней способности. Триша занималась не из-под палки, и предпочитала, чтобы он не хвалил

ее, а, наоборот, показывал ее слабые места и ошибки. – Жалко, что поздновато пришла, а то я бы из тебя мастера спорта сделал.

– Зачем это мне?

– А сейчас зачем?

– Для себя самой. А наград мне не надо. И званий там разных тоже.

– Теперь-то конечно. А вот начала бы с раннего детства заниматься и посмотрел бы я на тебя!

– Нет, Костя, это все равно не мое. – Девчонка уже перевела дух и снова встала в стойку.

Вообще она – боец. Константин занимался с Тришей уже полгода и мог с уверенностью это подтвердить. Она не только весьма успешно занималась борьбой, но и успевала почти отлично учиться, неплохо владела английским и немецким. А недавно поинтересовалась у него, где можно найти хорошего инструктора по стрельбе. Причем спрашивала вполне серьезно. Нет, конечно, у Кости такие связи были, но он все равно удивленно расширил глаза – «Зачем тебе это? Ты, что, в спецагенты готовишься?». Симпатичная вроде девчонка, молоденькая совсем... Ей бы в куклы пока играть, да про женихов думать, а она – приемы, стрелялки...

Триша повторила свою просьбу, пояснив коротко: «Хочу. Просто интересно попробовать».

Константин подумал и, переговорив со своим знакомым, направил девчонку в тир. Вскоре приятель сообщил ему, что

Костина протеже весьма недурно научилась стрелять. «Настойчивая. И не без таланта» – кратко, но емко охарактеризовал Тришу инструктор по стрельбе. «Типа НикитаА, правда? Есть в ней что-то...»

11

Сегодня Трише девятнадцать. И впервые за все эти годы она собирается отмечать день рождения не дома, и даже не в кругу родных. Вчера вечером их большая студенческая компания приехала на турбазу в горах, чтобы покататься на лыжах.

Триша вернулась в свой номер чуть раньше других – ей почему-то захотелось немного побыть одной, видимо сказывался долгий путь, шумная компания, куча всяких эмоций за столь короткое время.

Раздевшись, она щелкнула кнопкой электрического чайника. Парни и девчонки остались на склоне, где, кто как умел, покоряли снежную трассу. Впрочем, и их, этих трасс, было несколько – на любой вкус и способности.

Заварив пакетик душистого чая, Триша достала из хрустящего бумажного пакета ватрушку и устроилась с добычей на своей кровати.

Сначала объела ватрушку по кругу – она всегда так делала, с самого детства у Триши была такая слабость. Если позволяла ситуация и окружение, конечно. В кафе или где-нибудь в гостях она так не «расслаблялась». Затем приступи-

ла к поеданию творога. И лишь потом стала смаковать сладкую поверхность, что образуется на булке под творогом. М-м-м...

Триша закрыла глаза от восторга. Как же вкусно! Почти как в детстве! Мама раньше часто пекла ее любимые ватрушки, и, зная эту Тришину слабость, специально делала творожную серединку побольше...

Мама с папой уже звонили ей утром, поздравляли дочку с днем рождения. Обещали позвонить еще ближе к полуночи. Все равно она спать не будет – они с друзьями собираются отметить событие в кафе, откуда Триша принесла эти самые ватрушки.

В принципе, ей уже позвонили все, кто обычно поздравлял с днем рождения.

Кроме Георга.

Триша лизнула сладкую булку и вздохнула.

Георг.

Странный парень с серыми глазами и длинными, собранными в хвост, волосами.

Кто он?

Триша так и не разобралась в этом. И в самом Георге тоже. Вообще у них были странные отношения. Они встречались время от времени, и при этом почти полгода не знали телефонных номеров друг друга. Просто, когда ему хотелось, он появлялся или у Тришиного дома, или возле института. Если такое желание появлялось у самой Триши, то она находи-

ла его в подземном переходе, где он продолжал временами играть на своей скрипке, либо шла на небольшой пяточок возле стадиона, где обычно собирались байкеры. Удавалось встретиться – значит хорошо, не складывалось – значит, как говорится, не судьба, по-крайней мере ни тот ни другой не сильно расстраивались от этого. Если не сейчас, стало быть, в другой раз...

Странные это были отношения. Совсем не похожие на любовные – ни на йоту! Обычно они просто бродили по городу, сидели в кафешках (редко), смотрели в кинотеатре какой-нибудь нормальный фильм (если таковой был в прокате). Когда на улице стало теплее, иногда просто садились на мотоцикл и катались за городом.

При всем при этом ни тот ни другой ни разу(!) не сделал даже маленькой попытки стать ближе в физическом смысле. Да, Триша обнимала Георга за талию, когда сидела сзади на мотоцикле, прижималась к нему, но всегда просто чувствовала себя за его спиной воистину как за каменной стеной. Наверное так чувствуют себя за спиной отца или старшего брата... Для Триши такие ощущения были внове – с отцом у нее не было столь уж доверительных отношений, да и на мотоцикле он ее не катал, его у них никогда не было. Как не было и старшего брата, Триша была у родителей одна.

Какая семья у самого Георга – она не знала. Триша вообще про него мало что знала. Знала, что он старше ее на три года. Что работает на заводе токарем. Любит скрипку и хорошо на

ней играет.

Он много знал. Был немногословен, но, если начинал что-то рассказывать, то Триша черпала от него великое множество всякой интересной информации. Георг любил читать и смотреть фильмы. Станные пристрастия в наше время для молодого парня. И в то же время он не выглядел белой вороной, вполне комфортно чувствовал себя среди крутых парней на не менее крутых байках. Узнав, что Триша осваивает приемы борьбы, одобрительно кивнул:

– Только не бросай на полпути. В жизни пригодится. – На ее вопрос, где он сам научился так драться – не шутка ведь, справился тогда в подворотне с двумя, причем как-то так, играючи, Георг усмехнулся: – В детстве я был маленьким и слабым. Доставалось со всех сторон. А потом я взялся за себя, и получилось то, что получилось.

Он никогда не дарил Трише никаких подарков, но иногда притаскивал то пластиковый контейнер с клубникой или черникой, причем ягоды были непременно свежими и не из магазина, то крохотный букетик обычных дикорастущих цветов. За кино и кафе всегда платил сам. Триша сначала подумывала о том, откуда у простого рабочего завода взялись деньги на байк, но потом как-то свыклась с мыслью, что он не горазд открывать ей все карты. Да и зачем ей это знать – она же не собирается тянуть с него какие-либо деньги. Тришу вполне устраивало то, что Георг просто есть. С ним можно говорить, а можно молчать, и не чувствовать при этом ка-

кой-то натянутости. Его можно не видеть неделями, а можно встречаться каждый день и проводить много-много времени вместе, не уставая друг от друга.

Когда Триша предложила ему поехать с ними в горы, Георг просто отказался.

– Я не поеду.

И никаких претензий к ней, никаких расспросов. Но и уговаривать его тоже было бесполезно – она поняла это по его глазам, едва попробовала открыть рот.

– Триша, нет.

И вот теперь он не звонил ей, даже в день рождения. Может быть, все-таки обиделся? Но они же не обещали друг другу, что будут отмечать праздники вместе...

Триша снова вздохнула. Сделала большой глоток из чашки и с изумлением уставилась на чай – он был почти холодным. Надо же, успел остыть... Это сколько же времени она просидела вот так, задумавшись? Скоро вернутся ребята – всем надо немного отдохнуть и переодеться – на восемь часов у них заказаны в кафе несколько столиков.

Родители позвонили в одиннадцать.

«Триша, доченька, мы еще раз поздравляем тебя с днем рождения!»

«Спасибо, мои дорогие, я вас очень люблю!»

«Триша, представляешь, а цветы снова принесли! Точно такие же!»

Девушка чуть не выронила трубку из рук.

Георг позвонил ей ровно в полночь.

– С рождением!

Триша, увидев, кто ей звонит, пулей выскочила из зала.

– Спасибо.

Она как-то рассказала ему, что родилась в полночь, он тогда еще посмеялся, мол, как же правильно тогда произносить, поздравляя ее – с ДНЕМ рождения или с НОЧЬЮ рождения? Но ведь НОЧИ рождения вроде бы не бывает? – Триша улыбнулась – надо же, запомнил. А сейчас довольно ловко выкрутился...

– Отмечаете? – видимо до него все же донеслись звуки музыки.

– Да. Жаль, что ты не согласился поехать. – И вдруг, то ли выпитый коктейль ударил в голову, то ли еще что, но Тришина фантазия разыгралась не на шутку, и она представила, как он сейчас возьмет и войдет в это самое кафе, преодолев огромное расстояние, чтобы сделать ей сюрприз, чтобы поздравить ее с днем рождения. Или будет ждать ее в комнате... Хотя как он туда может попасть без нее – ключи-то у них с девчонками с собой? Триша хихикнула над своими мыслями – вот дура-то, размечталась тоже!

– Что смеешься? – вполне миролюбиво поинтересовался Георг.

– Да так... – туманно ответила она.

– Отдыхается нормально?

– Вполне.

– Что хочешь в подарок? Я не стал тебе заранее дарить...

– Ой, Георг, не надо ничего! Хотя... – ее лицо осветила вдруг мягкая улыбка, – сыграй мне что-нибудь. Если, конечно, удобно. И не большое произведение, а то денег много уйдет.

– Хорошо, – легко согласился он. – Давай минут через пять я перезвоню?

– Ой, давай лучше через десять! – Триша вдруг быстро прикинула, что она за это время вполне может оказаться в своей комнате.

– Договорились.

Схватив с вешалки свою куртку, она изо всех сил понеслась к отелю, на ходу набирая номер подружки, чтобы сказать, что вернулась ненадолго к себе в комнату. А то ребята хватятся...

Ровно через десять минут раздался телефонный звонок. Триша только успела захлопнуть за собой дверь номера, прислонилась к стене, включила громкую связь... и тут же сползла на пол: из динамика слышались чарующие звуки скрипки...

не, тоже готовился ко сну. В спальне, освещенной лишь слабым светом ночника, неслышно распахнулась дверь. Легкие шаги по начищенному до зеркального блеска паркету. Огромная кровать под балдахином.

— К-хм. Простите, но вы просили в любое время... — Мужчина лет тридцати в строгом черном костюме протянул под балдахин большой пухлый конверт. — Задание выполнено.

— Все нормально. — Морщинистая, покрытая старческими пигментными пятнами, рука взяла конверт. — Слава Всевышнему.

Секундное молчание. Человек, лежащий в постели, бросил быстрый взгляд на застывшего помощника.

— Вы свободны.

Когда за ним закрылась дверь, человек еще немного полежал, держа в руках конверт и о чем-то задумавшись. Потом он надорвал плотную бумагу и вытряхнул себе на одеяло его содержимое. На прохладную сиреневую ткань упало несколько листов бумаги и пачка фотографий.

Худая рука взяла одну из них и поднесла поближе к глазам. Из груди вырвался еле слышимый выдох облегчения. Взгляд, обращенный на снимок, заметно потеплел.

А весной Триша влюбилась. Не в Георга. Парня звали Владиславом, он заканчивал тот же институт, где училась Три-

ша. Да, так бывает. Ходишь ты, ходишь, периодически видишь человека, но до поры до времени не испытываешь к нему совершенно никаких чувств. А потом вдруг раз! – и все! Переклинивает что-то в мозгах, и вот ты уже просто жить без него не можешь!

Вот так же и Триша с Владом. Ходили – не замечали – столкнулись в дверях – влюбились. Причем столкнулись в буквальном смысле слова – Триша выходила из книжного магазина, а Владислав, отвлекшись на что-то, не глядя, шагнул в дверь. Бабах! Новая книжка, которую девушка не успела убрать в сумку, вылетела из рук и готова была шлепнуться на мокрое после недавнего дождя крыльцо. Влад произвел довольно виртуозные манипуляции руками и в итоге успел подхватить книгу почти у самой ступеньки.

– Ловко! – засмеялась Триша.

Парень выпрямился и уставился на нее. Прикольно, девчонка-то знакомая, кажется, он видел ее в институте! Да и как можно не запомнить эту кудрявую рыжую шевелюру! А у нее, оказывается, карие глаза...

Через пару недель он уже просто жить не мог без этих глаз. И Триша тоже – без него.

А с Георгом они перестали видаться буквально за несколько дней до встречи с Владом. Он просто исчез. Причем произошло это как-то неожиданно и в одночасье. И, как ни странно, но у нее почему-то было предчувствие, что что-то не так. Но она не придавала тогда этому значения. Просто

смотрела, как Георг, проводив ее до подъезда и попрощавшись, уходит. И в какой-то момент сердце болезненно сжалось – почему-то ей вдруг показалось, что она видит его в последний раз. Все было вроде бы нормально, а вот почудилось... Тогда Триша отогнала от себя дурные мысли, просто потрянула рыжими кудрями и обругала себя: «Фу ты, дура! Чего каркаешь!»

Но после этого Георг действительно исчез. Не появлялся сам. Телефон его был отключен. Когда, даже спустя месяц, он так и не отозвался, она повторила свою попытку дозвониться до Георга. И снова в ответ та же фраза: «Телефон абонента отключен или находится вне зоны действия сети». Послушав повторение на английском языке, Триша задумчиво отложила трубку.

Что не так? Куда он запропастился? А может быть он в курсе того, что Триша теперь не одна? Увидел их с Владом вместе или еще как-то узнал? Или с ним самим что-то случилось?

Триша несколько раз спускалась в переход, но Георг там больше не появлялся. Поспрашивала у байкеров – те тоже только пожимали плечами. Никто ничего не знал о Георге. Да и сама Триша о нем больше ничего не знала...

– Вы так считаете? – ответил старческий голос за его спиной. Худой старик, сидевший в кресле, помолчал. – Не думаю. Это скорее случайность.

– Порой именно случайности приносят за собой такие серьезные последствия... – с легким нажимом проговорил стоявший у окна.

– Хорошо. Проследите за ним.

– Может быть, сразу принять меры?

– Не стоит. По крайней мере, пока.

Ответом был тяжелый недовольный вздох.

16

Когда Триша сообщила родителям, что выходит замуж за Владислава и собирается уехать с ним почти на другой конец страны (толкового юношу пригласили на работу в дальнюю, но зато сразу на престижную должность и достойную зарплату с перспективой на дальнейший рост и того и другого), у родителей случился шок.

Отец с матерью пробовали отговорить дочь от совершения столь опрометчивого поступка. Потом попробовали поскандалить. Под конец мама даже применила «тяжелую артиллерию» – довольно артистично изобразила начинающийся сердечный приступ.

Но Триша оказалась непреклонна. Она заверила родителей, что не бросит учиться, а просто переведется в тамошний вуз.

– Да поймите же вы, мы ведь не в чистое поле едем, там такой же большой город, там все есть, а науке там вообще огромные почет и уважение! – почти кричала под конец де-вушка.

Но ни мать, ни отец категорически не желали понимать, почему именно их дочь должна принести себя в жертву этой самой науке.

– Да не собираюсь я себя ни в какие жертвы приносить! Я просто буду жить далеко от вас, это, конечно, плохо. Но я так же буду учиться, получу образование, устроюсь там на хорошую работу...

– Ага, а еще нарожаешь детей и бросишь учебу, потому что на одни руки и ребенок и учеба – это, знаешь ли, тяжело! – смахивала слезу мать и хваталась за сердце.

– Мам, я не собираюсь в ближайшее время рожать!

– Это ты сейчас так говоришь! А как уедете, так и начнет-ся!

– Через какое-то время – не спорю. Но не сразу! И потом, почему это ребенок на одни руки! У меня вообще-то будет муж!

– Муж! – фыркала мать. – Да если он такой умный, как ты говоришь, то вряд ли ты его дома лишний раз увидишь! Займется своей наукой, и будешь ты одна все на себе тащить!

В общем – и т.д. и т.п...

Но Триша все равно уехала.

Воистину сегодня был необыкновенный день! Можно было даже сказать – день чудес!

И чудеса эти начались с самого утра. В маленьком магазинчике, куда Лев Александрович Пожарский отправился ни свет ни заря за продуктами, не привезли творога, а маленькому Артемке врач рекомендовал усиленное питание, причем именно творогом – у мальчика были проблемы с ножками. Пришлось отцу идти в другой магазин, на соседнюю улицу.

Пожарский шагал по тротуару, подставив лицо теплым весенним лучам. Он вообще любил эти ранние утренние часы, когда людей на улицах еще не много, воздух свеж, и не лезет в уши вечный городской шум.

Даже машин на дорогах было еще не так много. И одна из них, обогнав Пожарского, вдруг остановилась. Вышедший из нее мужчина внимательно смотрел на Льва Александровича. Потом перешел улицу и стал ждать, когда тот приблизится.

– Простите... Лев ... э-э... Александрович?

Пожарский приостановился, недоуменно покосился на окликнувшего его человека. Очень высокий худощавый мужчина лет пятидесяти. На щеках яркий румянец, какой может быть только у чахоточных или истинно рыжих людей. Слава богу, этот человек был рыжим. Коротко стриженные каштановые волосы, выразительные карие глаза.

Боже мой! Пожарский аж отступил назад, не веря своим

глазам.

– Простите! Аскольд... м-м... Францевич! Неужели это вы?!

Аскольд Францевич Мейерхольд приходился дядей его покойной супруге – Елизавете Пожарской. Виделись они, правда, всего раза три за эти годы. Сказать по правде, если бы тот сам не окликнул Льва Александровича, то Пожарский ни за что не признал бы его.

Разговорились. Узнав, что произошло с племянницей и ее семьей, Мейерхольд пришел в ужас. Потом, глянув на часы, извинился и, сославшись на спешку, спросил, где Пожарские живут сейчас. Узнав адрес, решительно заявил, что сегодня же подъедет к ним.

Машина Мейерхольда уже давно скрылась из виду, а Лев Александрович Пожарский все стоял на тротуаре и смотрел ей вслед с таким видом, словно увидел призрака.

Вечером того же дня Пожарский еще раз убедился, что чудеса все-таки имеют место быть.

Аскольд Францевич явился к ним в восьмом часу вечера. Разговор был долгий и трудный. Пожарскому снова пришлось пережить смерть любимой Лизаньки. Вновь всколыхнул тяжкие воспоминания о горестях и страхах, что выпали на их долю за последние два с лишним года.

Мейерхольд слушал родственника не перебивая. Мрачнел лицом, иногда лишь качал головой.

Когда он узнал, что бывший работник дипломатической

миссии некогда великой державы днем дает уроки английского в двух семьях таких же эмигрантов, как и они сами, а по вечерам подметает улицы, то даже обычный румянец сошел с его щек.

Выслушав Пожарского, Аскольд Францевич сидел некоторое время, задумавшись. Потом он поднялся, проишелся по крохотной комнатке, которую снимали родственники. Постоял у кровати, посмотрел на спящих детей. Взгляд его задержался на ярких рыжих локонах Агнии – девочка очень походила на него самого – была такой же кареглазой и рыжеволосой. Наконец Мейерхольд произнес:

– Я не буду оригинален, Лев Александрович. Как говорят – хочешь накормить человека – дай ему удочку, а не рыбу. Пока я дам вам немного рыбы – у вас дети, но постараюсь дать и удочку.

Он сдержал свое обещание. Оставив в тот день Пожарским денег, через две недели он помог Льву Александровичу устроиться преподавателем в местный университет. А спустя месяц настоял на том, чтобы они переехали жить в его дом.

Мерно постукивали колеса поезда, за окном было темно, лишь изредка вдалеке мелькали огоньки – когда их путь проходил рядом с каким-нибудь населенным пунктом. Молодожены сидели в обнимку на нижней полке купе. Напротив них

юноша цыганской наружности, назвавшийся Германом, тихонько играл на гитаре и пел.

Триша вообще любила слушать переливы гитарных струн, а тут еще человек делал это весьма умело, да и пел хорошо. Сосед по купе ехал в гости к родне в тот же город, куда направлялись и Влад с Тришей, так что ехать им вместе предстояло еще долго. Четвертое место в купе пока пустовало.

Было хорошо и спокойно. Стук колес, тихая песня, рядом любимый человек. Что еще нужно для счастья?

Триша расслабилась. Позади остались разборки с родителями – кажется, они так и не простили дочери ее «бегства», хоть и улыбались на свадьбе и при прощании на вокзале. Далеким был теперь и родной город, где она выросла и встала на ноги, где были друзья и просто знакомые. Да что там говорить – вся прошлая жизнь осталась там, позади... А что ее ждало впереди?

Но молодость есть молодость, в это время мы мало печалимся о чем-то, мало тревожат нас перемены. Так и на губах Триши играла мягкая улыбка, когда она думала о будущем.

А потом она вообще начала дремать. Сначала еще как-то боролась со сном, но Владислав заметил ее сонное состояние и велел ложиться. Триша запросилась на верхнюю полку. Видя, что сосед собирается отложить гитару, махнула рукой:

– Вы сидите-сидите, и Герман пусть играет. Мне не мешает, даже наоборот, полежу, послушаю.

Пару песен она еще действительно слышала, но потом сон

накрепко взял ее в свои объятия.

А утром обнаружилось, что исчез Влад.

Когда Триша проснулась, его уже не было.

Сначала она не придавала этому значения – мало ли, вышел человек в туалет или просто прогуляться по вагону. Но когда муж не вернулся и через полчаса, Триша заволновалась. Проснувшийся чуть позже ее Герман тоже не знал, где его сосед. Вечером, после того, как Триша уснула, они посидели еще около часа, потом одновременно легли.

Триша прошлась по вагону, заглянула в туалет, в вагон-ресторан. Влада нигде не было. Спросили проводницу. Та ничего не видела, но тоже заволновалась. Поиски расширили. По совету проводницы проверили его вещи. Сумки с одеждой и документами не было. Осталась только его книга – Владислав купил ее буквально перед самым отъездом прямо на вокзале.

Ближе к полудню обыскали весь поезд – Влада нигде не было. Сердце Триши тревожно сжалось – что это? Предательство? Может быть, Владислав передумал ехать с нею, вообще быть с нею? Взял и передумал. А потом вообще сошел с поезда. Или с ним что-то случилось? Ведь с поезда никто, даже отдаленно похожий на Влада, не сходил.

Триша растеряннo брела по коридору вагона. Подошла к своему купе, потянула в сторону дверь. Сидевший на своем месте Герман, с тревогой посмотрел на нее.

– Триш, ты погоди... не волнуйся так. Найдется Влад...

Но она почти не слышала его. Найдется... Как, откуда он должен появиться? И куда вообще исчез? С ним наверняка что-то случилось. Ведь даже если он и решил бросить ее, то мог хотя бы черкнуть пару строк, раз уж в глаза сказать побоялся.

Триша села на полку, как раз на то самое место, где они еще накануне сидели с мужем в обнимку. Еще несколько часов назад на душе было так хорошо и спокойно. Кто бы мог подумать...

Что-то мешало Трише, упиралось ей в спину. Погруженная в свои мысли, она не сразу это поняла. Потом пошарила сзади себя рукой. Книга. Та самая, Влада...

Из-под обложки выглядывал какой-то листок. Триша потянула за край.

Конверт. Простой почтовый конверт. Незапечатанный, без адреса, но в нем что-то есть.

Триша заглянула внутрь. Билет на самолет и два сложенных пополам листка.

Плохо соображая, девушка развернула один из них, надеясь получить хоть какое-то объяснение исчезновению Владислава. На первом был напечатан какой-то адрес. Триша отбросила его в сторону и развернула второй лист. Так и есть – несколько строк, написанных его рукой. Девушка впиалась в них глазами.

Триша!

Я жив, со мной все в порядке, не беспокойся. Я тебя люб-

лю, но не могу поступить по-другому.

Владислав.

Некоторое время она сидела молча, прислушиваясь к странным ощущениям внутри себя. Было такое чувство, какое она уже испытала однажды, когда ее тренер Костя заехал ей кулаком в солнечное сплетение. Но тогда они были в спортзале, и она сама была виновата в том, что прозевала, открылась ему для удара. Костя тогда сам позеленел от страха, а потом долго ругался и на себя и на незадачливую ученицу, которая на несколько минут даже перестала дышать.

Дыхание у нее потом восстановилось... Вот и теперь, наконец глубоко вдохнув, Триша взяла в руки второй листок и несколько раз прочитала совершенно незнакомый адрес в чужом городе, причем не в том, куда они сейчас ехали.

А в мозгу, словно клеймом, выжгло одну-единственную мысль: НИКОМУ И НИКОГДА Я БОЛЬШЕ НЕ ПОДСТАВЛЮСЬ ДЛЯ УДАРА.

Такси, выпустив из своего теплого салона рыжеволосую девушку, развернулось и уехало. Триша, слегка поежившись от внезапно налетевшего прохладного ветерка, еще разглянула в уже весьма потрепанный листок. Ну да – улица эта, и номер дома тот же... Она задрала голову, рассматривая многоэтажное здание из темного камня. Похоже, что где-то

здесь...

Девушка вошла в подворотню, нашла вход в дом. В подъезде было относительно чисто, но ремонта в нем не делали уже не одно десятилетие. Поднимаясь по красивой, явно старинной, лестнице, Триша прикинула, что путь ее лежит примерно на третий этаж. Странно, но, несмотря на множество этажей, лифт в доме отсутствовал. Или она просто его не нашла. «Ладно, не графиня, заберусь и так. Еще даже и лучше – есть время подумать». Хотя она в последнее время только и делала, что думала. Думала, когда искала Влада. Думала, когда прочитала его последнее послание. Думала, когда обнаружила, что билет на самолет оформлен на ее имя. Думала над незнакомым адресом.

Что вообще все это значит? Кто за всем этим стоит?

Начиная с безобидных букетов на день рождения, которые по-прежнему оказывались под ее дверью, странного пропуска в спортивный клуб, где она неплохо изучила приемы, мягко скажем, для самообороны (а точнее – просто научилась хорошо драться), кто-то неведомый умудрился взять ее жизнь под контроль. Но зачем? Почему? Кому это нужно? С какой целью этот невидимый «кто-то» вцепился в нее, в Тришу, совершенно обыкновенную девчонку? Что этому неведомому «кому-то» нужно от нее?! Пока ничем не проявляется этот всемогущий «инкогнито». По-крайней мере, художник точно не делает. Но на крючке держит плотно. Почему-то теперь Триша уже даже не сомневалась, что и исчезновение

Влада было связано с этим неведомым кукловодом.

Триша не была бы Тришей – несмотря на всю странность ситуации, она не свернула в сторону. Хотя вполне могла бы просто сойти на ближайшей станции и вернуться домой. Но какой в этом смысл? Тот, кто столь ловко умудряется вторгаться в ее жизнь и даже вносит в нее коррективы, наверняка снова предпримет что-то. Скрыться от него вряд ли удастся. Дома ее уже ничто не держало. А волновать родителей раньше времени не хотелось. Посмотрим, что будет дальше.

И Триша, воспользовавшись билетом, добралась до нужного адреса.

Остановившись перед дверью, на которой значилась цифра 18 (обозначенная и в листке), девушка нажала на кнопку. Дверь распахнулась почти сразу же, словно ее уже ждали. На пороге стояла высокая, невероятно худая девушка примерно Тришиных лет. Длинные, явно давненько нечесанные волосы укрывали ее плоскую грудь. На тощем теле, как на вешалке, висели мужская клетчатая рубашка и заношенные джинсы.

– О-о! Привет! Заходи! – на одном дыхании проговорила девица и посторонилась, предлагая гостю пройти в квартиру.

Триша молча разглядывала девушку, не собираясь проходить дальше. Интересный экземпляр. Для полной гармонии ей не хватало сигареты в зубах и недельного перегара. Но никакого ядовитого амбре она не учуяла, даже наоборот, Трише скорее слышался запах хороших дорогих духов. Заме-

тив, что гостья не спешит двигаться с места, хозяйка выгнула бровь:

– В чем проблема?

– Ты вот так запросто пустишь меня, даже не спросив, кто я?!

Девушка хохотнула неожиданно приятным смешком:

– Но ты ведь Шрайбикус? – Триша удивленно вытаращилась на нее. Худышка поспешила поправиться: – Ну, это, журналистка? Акула пера?

Триша неопределенно пожала плечами. Похоже, здесь ждали не ее.

– Писать умеешь? Сочинения в школе писала?

– Писала.

– Вот. А я уже третий день журналиста ищу. Объявления везде, где только можно дала. Мне нужна такая – контактная и... компактная! Да! Компактная и контактная! – И девушка захохотала, радуясь своей удачной фразе. Судя по всему, ты компактная, – она кивнула на одинокую Тришину дорожную сумку. – Если, конечно, там, внизу, тебя контейнер с тряпьем не дожидается...

– Не дожидается, – заверила ее Триша и шагнула в квартиру.

Спустя час они уже сидели с новой знакомой на кухне и за обе щеки уплетали жареную картошку. Тошную девушку звали Александрой. Она работала в недавно образовавшейся газете. Главным редактором там был Данила Калагин – тридца-

типятилетний, по словам хозяйки очень талантливый товарищ. Саша была подругой его младшей сестры, так что они знали друг друга давно и очень хорошо.

Молодой коллектив намеревался всерьез и надолго стать редакцией одного из самых читаемых изданий, и потому сейчас шел стремительный подбор кадров. «Набирать состав» было поручено все той же Александре – нее было потрясающее «чувство человека». Несмотря на обманчивую внешность, хватка у Сашки была железная, и внутреннее чутье развито потрясающе. Из многого количества «человеческого материала» она просто каким-то чудом вычисляла настоящих профессионалов, уговаривала их попробовать поработать с ними. Остальных отсекала на корню, даже несмотря на жгучее желание оных задержаться.

Сейчас Калагин поставил перед Сашкой задачу – найти толкового журналиста в новую рубрику, которой сам даже еще и названия не придумал. Но он точно знал, о чем там будет идти речь. О матерых людях. О тех, про кого еще Маяковский в прошлом веке сказал:

Гвозди бы делать из этих людей!

Крепче бы не было в мире гвоздей!

Пока, правда, поиски не увенчались успехом. Но тут раздался звонок в дверь, и на пороге появилась Триша.

Как ни странно – девчонки ладили. Александра даже приняла ее под свой кров, здраво рассудив, что пока новенькая обживется в чужом городе, может быть упущено драго-

ценное время, которое вполне можно использовать для работы.

20

Высокая, очень грузная женщина, тяжело дыша, поднималась по лестнице. Триша нагнала ее на уровне второго этажа. Объемную фигуру было сложно обойти на узкой лестнице, и Триша невольно притормозила, прицеливаясь для маневра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.